
О. Ф. РУСАКОВА

ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Проблема предметной самоидентификации философии истории и методологии истории впервые возникла со всей своей научной напряженностью в конце XIX века. Именно тогда философия истории становится весьма распространенным жанром научного творчества, складываются различные направления, формулирующие и разрабатывающие проблематику философии истории, ведутся научные дискуссии о предмете философско-исторических исследований. Возникают три основных представления о содержании философии истории: 1) под философией истории понимается всеобщая, или всемирная история, обобщающая результаты, добытые исторической наукой, и объединяющая их в стройную и цельную картину; 2) философия истории рассматривается как учение об общем смысле и общих законах исторического процесса; 3) под философией истории подразумевают науку об историческом познании, или логику исторического исследования.

Все три трактовки, по мнению немецкого ученого и специалиста в области философии истории Г. Риккерта, одинаково правомерны, каждая очерчивает особый круг проблем и обладает правом называться философией истории¹. Правда, Риккерт считал, что из трех названных предметных полей философии истории приоритет за последним значением, поскольку учение о логике исторической науки есть ключ к решению проблематики первых двух предметных сфер².

В конце XIX – начале XX в. возникла тенденция к отождествлению философии истории с социологией –

---

¹ Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 178.

² Там же. С. 179.

наукой о **законах** и принципах общественно-исторической жизни. Сторонники данной трактовки философии истории (Э. Бернгейм, П. Барт и др.) по существу сводили задачу философии истории к подведению исторических процессов, типов и форм под общие социологические понятия³. Они также различали материальную и формальную философию истории. Так, по Бернгейму, материальная философия истории ставит следующие вопросы: как происходит историческое развитие; каковы результаты и каков смысл исторического развития? Под формальной философией истории подразумевалась совокупность проблем исторического познания, т. е. гносеология.

Идея объединения в рамках философии истории двух предметных областей – общих проблем исторического бытия (онтологии) и вопросов логики и теории исторического познания – преследовала в качестве главной цели преодоление крайностей неокантианского или логико-гносеологического подхода к предмету философии истории. Например, соотечественник Бернгейма Г. Зиммель полагал, что философия истории должна заниматься главным образом теоретико-познавательными проблемами исторического исследования, а не изучением законов и смыслов исторического бытия. Он называл данную проблему спекулятивной и метафизической, стоящей за рамками науки, «вне альтернативы истинного и ложного»⁴.

Против устранения из предметной зоны философии истории вопросов, касающихся законов и смысла исторического бытия, выступал русский философ истории Н. И. Кареев. В своих работах «Основные вопросы философии истории» и «Общий ход всемирной истории» он подчеркивал, что «именно изображение всемирно-исторического процесса с некоторой общей точки зрения и есть основная задача философии истории»⁵. При том под общепhilософской точкой зрения Кареев подразумевал не

---

³ См.: Барт П. Философия истории как социология. СПб., 1902. С. 4–11.

⁴ Зиммель Г. Проблемы философии истории // Философия и общество. 1997. № 1. С. 251–253.

⁵ Кареев Н. И. Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох. Тульская обл., пос. Заокский, 1993. С. 14.

поступательное движение человечества как органического целого по единому плану или закону, а взгляд на историю как на развитие и взаимосвязь разных культурных миров и эпох.

На схожих позициях в отношении предметного синтеза проблем теории исторического процесса и теории исторического познания под общим названием «философия истории» стоял русский философ и богослов Л. П. Карсавин. В работе «Философия истории» (1923 г.) он выделял три основные задачи философии истории: 1) исследование первоначал исторического бытия; 2) рассмотрение этих начал в единстве бытия и знания; 3) познание и изображение конкретного исторического процесса в его целом, в раскрытии смысла этого процесса. «Поскольку философия истории ограничивает себя первую задачею, она является **теорией истории**, т. е. теорией исторического бытия и теорией исторического знания. Поскольку она преследует решение второй задачи, она – **философия истории** в узком и специальном смысле термина «философия». Наконец, в области, определенной третьей задачей, она предстает перед нами как **метафизика истории**, причем, конечно, в термине «метафизика» иного не мыслится, как отвлечение от конкретной эмпирии, но – конкретное познание исторического процесса в свете наивысших метафизических идей»⁶.

Образовавшиеся в начале XX века две линии в понимании предмета философии истории, которые условно можно обозначить как «гносеологическая» и «онтологическая» (последняя включает также идею синтеза теории исторического прогресса и теории исторического познания), получили свое развитие в последующие десятилетия. «Гносеологическое» направление было продолжено Р. Коллингвудом, который, по существу, разделял точку зрения Риккерта на главные задачи философии истории. Сведение философии истории к теории исторического познания и к методологии исторического исследования проявилось также в современной аналитической философии. Например,

---

⁶ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб, 1993. С. 15.

один из ее серьезных представителей, А. Данто различает субстантивную и аналитическую философию истории. Субстантивная философия истории претендует на объяснение не только прошедших, но и будущих событий, а также их последовательности. Аналитическая философия истории изучает, каким образом организованы и разграничены события в рамках исторического познания, определяет границы познания исторических явлений. Последняя, считает Данто, имеет большую научную значимость, чем первая⁷.

Гносеологическое направление получило и другое название – критическая философия истории, которая утверждает, что только критическое рассмотрение истории дает возможность оценить степень истинности исторических фактов и концептуально воспроизвести историческую действительность. Предметом критики выступает гегелевская модель философии истории, или «традиционная философия истории». Представитель данного направления – французский ученый Р. Арон отмечал: «Традиционная философия истории находит свое завершение в системе Гегеля. Современная философия истории начинается с отказа от гегельянства. Идеалом больше не является определение значения становления человечества, философ больше не верит в то, что он – единственный депозитар секрета провидения»⁸. В то же время критическая философия истории выступила с критикой тех историков, которые отвергали необходимость каких-либо философских обобщений в историческом исследовании, призывая ограничиться описанием фактов.

Советская историческая наука на разных своих этапах давала неоднозначные трактовки содержания предмета философии истории. Ее критические стрелы были направлены в сторону как представителей «гносеологического» направления, так и «онтологического» в силу того, что большинство зарубежных исследований в области философии истории руководствовалось иной, отличной от марксизма, методологией построения теории исторического познания и

---

⁷ Danto A. *Analytical Philosophy of History*. Cambridge, 1965. P. 16.

⁸ Цит. по: Гобозов И. А. *Введение в философию истории*. М, 1993. С. 15.

теории всемирно-исторического процесса. В качестве единственно верной методологии научного исторического исследования рассматривалась теория исторического материализма, которая отождествлялась с подлинной философией истории. Вместе с тем в 60–70-е гг. в советской литературе были предприняты серьезные шаги по осмыслению немарксистских концепций философии истории.

В работах Гулыги А. В., Кона И. С., Барга М. А., Вайнштейна О. Л. и др. авторов дается критический обзор основных теоретических схем философии истории от Вольтера до современных представителей «буржуазной» философско-исторической мысли.

Прошедшая в 60-е гг. в СССР дискуссия, посвященная методологическим проблемам исторической науки, показала, что наряду с общепринятым мнением, сводящим марксистскую философию истории к историческому материализму и резко негативно относящимся ко всем современным немарксистским представлениям о предмете философии истории, в советской научной среде существует и другая точка зрения, которая допускает возможность соединения марксистской методологии истории с рядом ценных идей и проблематикой, разработанной в рамках немарксистских моделей философии истории. Данный подход прозвучал, в частности, в выступлении А. В. Гулыги, который отметил теоретико-методологическую ценность проблем, поднятых западными философами истории, и предложил в этой связи опубликовать в СССР антологию П. Гардинера «Теории истории», дающую представление об основных зарубежных концепциях философии истории⁹. В определенной степени указанная позиция получила отражение в деятельности группы ученых, созданной в Институте философии АН СССР и призванной заниматься разработкой философских проблем истории¹⁰. Итогом ее работы стала коллективная монография «Философские проблемы исторической науки» (1969 г.).

---

⁹ История и социология. М., 1964. С. 327.

¹⁰ Там же. С. 89.

В целом же словосочетание «философия истории» редко употреблялось для обозначения теоретико-методологической проблематики исторического исследования в советской литературе. Ему предпочитали выражения «методология истории», «методологические проблемы исторического познания», «методы исторического исследования» и т. д.¹¹

Однако к началу 80-х годов ситуация постепенно стала меняться. Наметилась тенденция к легитимации философии истории путем обоснования ее собственного статуса в рамках марксистской теории в качестве гносеологии, методологии и логики истории. Философский анализ стал фокусироваться на проблемах исторического познания, при этом философия истории представлялась главным образом как теория познания, а не как онтология. Данное направление получило развитие прежде всего в работах эстонского исследователя Э. Н. Лооне. В своем оригинальном и фундаментальном труде «Современная философия истории» (Таллин, 1980 г.) он не только рассмотрел современные проблемы философии истории, но и дал классификацию разнообразных схем предмета философии истории, существовавших ранее и существующих в настоящее время.

Однако исследование вопроса о новейших типах философии истории и понимании ее предмета автор завершает концом 70-х годов, что, естественно, не дает более или менее полного представления о характере дальнейших исследований в указанной области.

Кроме того, Лооне вскрыл далеко не все генеральные линии в осмыслении предмета философии истории. Так, например, им не была рассмотрена историософия как дисциплина, претендующая на центральное место в системе философско-исторического знания. Кстати, термин «исто-

---

¹¹ См.: Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984; Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974; Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980; Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981; Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. Киев, 1976.

риософия» впервые ввел в научный оборот А. Цешковский в книге «Введение в историософию»¹². Термин этот был использован для обозначения гегелевской философии истории. Впоследствии он получил распространение в трудах по религиозной философии истории.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX века исследователи вновь заговорили об историософии как философии истории. В значительной степени это объяснялось массовым, «повальным» увлечением русской философией, в особенности ее религиозно-философскими концепциями XIX – начала XX вв., получившими название «историософия». Центральными темами русской историософии, по авторитетному свидетельству В. В. Зеньковского, являются вопросы о человеке, о его судьбе, о смысле и целях истории. «Русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории и т. п.»¹³. На эту же особенность указывал и Н. А. Бердяев: «Оригинальная русская мысль рождается как мысль историософическая. Она пытается разгадать, что помыслил Творец о России. Каков путь России и русского народа в мире, тот ли, что и путь народов Запада, или совсем особый, Свой путь?»¹⁴.

Востребованность и актуализация историософской проблематики в общественной мысли России в период вступления страны в постсоветскую эпоху привели к бурному росту литературы, предлагающей читателям ту или иную концептуальную схему мирового и российского исторического процесса. Появились самые разнообразные модели цивилизационного и культурно-исторического развития общества, версии и историософские схемы путей развития Запада, Востока и России¹⁵. Это, в свою очередь, укрепило в общественном и научном сознании авторитет философии

---

¹² Cieszkowski A. Von Prolegomena zur Historiosophie. Berlin, 1838.

¹³ Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 16.

¹⁴ Бердяев Н. А. о русской философии. Екатеринбург, 1991. Ч. 2. С. 5.

¹⁵ См. об этом: Прядеин В. С. Историческая наука в условиях обновления: Философские основы, принципы познания, методы исследования (историографический анализ). Екатеринбург, 1995.

истории, привлекло внимание к ее историческим формам и структурным разделам.

В 90-е годы в российской литературе оба подраздела философии истории – историческая онтология (или историософия) и историческая эпистемология – получили дальнейшее развитие. Появилось новое поколение исследований и учебных пособий по философии истории, раскрывающих ее предмет, в который включается как онтологическая, так и гносеологическая проблематика. Так, в книге И. А. Гобозова «Введение в философию истории» (1993) говорится: «... Философия истории исследует имманентную логику развития человеческого общества, единство и многообразие исторического процесса, проблемы социального детерминизма и социального прогресса. Она дает теоретическую реконструкцию исторического прошлого, устанавливает истинность исторических фактов и событий... Философия истории – это логическое рассмотрение человеческого общества, рассмотрение, очищенное от зигзагов и поворотов. Она абстрагируется от конкретного многообразия и главное внимание уделяет имманентной логике всемирной истории, ее сущности, ее внутренним механизмам функционирования и развития»¹⁶.

Помимо историософской и эпистемологической проблематики Гобозов вводит в предметное поле философии истории такие вопросы, как рациональное и иррациональное в обществе, «человек – свобода – ответственность», гуманизм и человек, понятия «народ», «масса», «толпа», о великих личностях в истории, что, на наш взгляд, чрезмерно расширяет границы предмета философско-исторической дисциплины и уводит в область философской онтологии и социальной философии.

Определенным показателем усиления внимания отечественной гуманитарной общественности к проблематике философии истории в 90-е годы стало издание двух антологий: «Философия истории. Антология» (1994) и «Очерк русской философии. Антология» (1996). Кроме того, вы-

---

¹⁶ Гобозов И. А. Введение в философию истории. М., 1993. С. 16.

шли в свет работы, знакомящие читателей с целыми этапами развития философско-исторической мысли в странах Западной Европы и России: Сыров В. Н. «Расцвет и закат европейской философии истории» (1997); Дорошенко Н. М. «Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX вв.)» (1997); Новикова Л. И., Сиземская И. Н. «Русская философия истории: Курс лекций» (1997); «Философия истории» под ред. А. С. Панарина (1999).

Продолжилась практика публикаций переводов работ по философии истории крупных зарубежных ученых. В 1994 г. в серии «Лики культуры» была издана книга Эрнста Трёльча «Историзм и его проблемы. Логические проблемы философии истории» (1994). Настоящим событием стало издание в 1998 г. философско-исторических трудов знаменитого итальянского мыслителя Бенедетто Кроче, работы которого не публиковались в нашей стране с 1920 г.¹⁷

Возобновились дискуссии о предмете философии истории, его метафизических основаниях¹⁸.

Итак, в процессе своего становления и осмысления в качестве особой дисциплины философия истории в зависимости от характера проблематики, рассматриваемой в рамках ее предметного поля, получила свое концептуальное оформление в разнообразнейших моделях (теоретических конструктах), которые условно можно свести к следующим основным типам.

1. *Метафизическая модель философии истории*, включающая главным образом онтологическую проблематику (учение об исторической реальности и историческом процессе, проблемы логики исторического развития, исторических законов и закономерностей, исторического прогресса и регресса, свободы и необходимости, смысла истории и т. д.).

2. *Эпистемологическая модель философии истории*, рассматривающая проблемы исторического познания и

---

¹⁷ См.: Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998; Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия. Спб., 1999.

¹⁸ См.: Межуев В. М. Философия истории и историческая наука // Вопросы философии. 1994. № 4; Метафизические исследования. Вып. 2. История. Спб., 1997.

знания, логического оформления и структуры исторической мысли, исторического понимания и объяснения, методологии и процедур интерпретации исторических источников, взаимообусловленности объекта и субъекта исторического исследования, вопросы исторической истины и научного моделирования исторических событий, ситуаций и процессов, соотношения эмпирических и теоретических уровней в историческом исследовании, типологии исторических фактов и теорий и т. д.

3. *Антропологическая модель философии истории*, претендующая на синтез онтологического и эпистемологического подходов в историческом исследовании посредством фокусировки внимания на проблемах человеческого бытия и сознания, культурных и ментальных миров человека. Основными понятиями и категориями антропологической модели философии истории выступают «ментальность», «картина мира», «культурно-исторический тип», «ценностные ориентации», «история повседневности», «самоидентификация», «макрокосм» и «микрокосм», «культур-антропология», «тотальность» и др. В методологическом плане антропологическая модель философии истории вызывает к междисциплинарному синтезу, выступает противником жесткого разведения исторических дисциплин по сферам общественной жизни (политическая история, социальная история, история культуры и т. д.), раздвигает границы предметного поля исторического исследования, включая в него изучение воображаемых и виртуальных миров человеческого бытия (история предрассудков, сновидений, образы жизни и смерти и т. д.).

Метафизическая модель философии истории получила обоснование и концептуальную разработку в трудах Гердера, Гегеля, Кареева, Бердяева, Франка, Хайдеггера, Ясперса и др. Лежащая в ее основе идея единства и разнообразия всемирно-исторического процесса стала парадигмальной основой для возникновения следующих теорий исторического бытия: формационная теория марксизма (формационный подход), концепции локальных цивилизаций Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби (цивилизаци-

онный подход), теория модернизации Т. Парсонса, С. Липсета и др., теория пассионарных циклов Л. Гумилева, концепция мир-системного анализа И. Валлернстайна, К. Чейз-Данна и других «глубиников».

Эпистемологическая модель философии истории наиболее ярко представлена работами представителей баденской школы неокантианства (Виндельбанд, Риккерт, Зиммель), неопозитивизма (Ланглуа, Сеньобос, Симиан, Поппер), концепциями Коллингвуда, Кроче. Она получила свое развитие в англо-американской аналитической философии истории (Гемпель, Данто, Дрей, Уайт и др.), а также в работах российских исследователей — А. Лаппо-Данилевского, М. Хвостова, Р. Виппера, М. Ковалевского, Г. Шпета.

Антропологическая модель философии истории лежит в основе философско-исторических произведений русского мыслителя Г. Федотова, исследовательской программы французской школы «Анналы», а также научной стратегии отечественного ежегодника «Одиссей. Человек в истории», выходящего под редакцией А. Я. Гуревича, Л. М. Баткина и др. Под влиянием «Анналов» в русле данной модели в последние годы стала развиваться немецкая философия истории, оформившаяся в историческую антропологию (Т. Ниппердей, В. Лепениес и др.). Ее становление сопровождалось следующими методологическими процессами: усиление междисциплинарных контактов, усиление интереса к человеку со стороны общественных дисциплин, антропологизация социальных наук в целом, обращение к миру повседневности как предмету научного исследования.

Те же тенденции получают распространение в американской современной социальной истории и в других западных исторических школах.

Наряду с указанными выше тремя моделями философии истории в истории научной мысли существовали подходы, направленные на объединение в рамках одной дисциплины онтологической, эпистемологической и антропологической проблематики. Одним из первых такую попытку к объединению предпринял Л. Карсавин, положивший в основу сво-

ей схемы концепцию «всеединства». Другим представителем комплексного подхода к предмету философии истории был Э. Трельч, разработавший теорию «культурного синтеза». Сегодня в общественной литературе данный подход, пожалуй, наиболее отчетливо просматривается в методологических поисках журнала «Философия и общество», выходящего с 1997 г. под редакцией И. Гобозова, а также Санкт-Петербургской философско-исторической школы.

Нам представляется, что многочисленные версии предмета философии истории отражают не только противостояние различных методологических подходов к пониманию ее основных научно-теоретических задач, но также и разнообразные аспекты, проблемные комплексы, теоретические блоки, из которых в перспективе может сложиться универсальная дисциплина «философия истории». По нашему мнению, современные тенденции, ведущие к междисциплинарности, онтолого-гносеологическому и культурно-историческому синтезу, к антропологизации научного знания, методологическому плюрализму и полицентризму, способствуют становлению именно такой, многоликой и мультиконцептуальной философии истории, объединяющей не формально, а сущностно-содержательно онтологические, эпистемологические и антропологические поля научно-исторического исследования.

Все существующие типы философии истории включают в свой теоретико-концептуальный аппарат группы вопросов, которые традиционно принято называть методологическими, ибо они связаны с проблемой исторического метода, т. е. с анализом определенных способов и приемов исторического исследования.

Метафизическая (онтологическая) модель философии истории основное внимание уделяет методологии познания исторического бытия, способам его реконструкции. Эпистемологическая модель философии истории в качестве центральных методологических проблем исторического исследования рассматривает логико-гносеологические вопросы исторического творчества, ремесла историка. Антропологическая модель философии истории

концентрирует свое внимание на методах организации исторического исследования, ведущих к реконструкции и раскрытию человеческого содержания исторических феноменов и процессов.

В конце XIX – начале XX века формируется тенденция к выделению методологической проблематики истории в особую область знания. Данный процесс получает свое оформление в специальных работах и учебниках по методологии истории, в университетских курсах по проблемам методологии исторического исследования. В это же время складываются основные методологические школы и направления, дающие свою трактовку историческому творчеству и способам освоения исторической реальности. В первой половине XX века основной спор развернулся между сторонниками позитивизма и антипозитивизма в методологии истории, между марксистской и антимарксистской методологией истории.

Со второй половины столетия в исследовательских кругах возникает новая тенденция, направленная на преодоление крайних, непримиримых позиций в методологии истории путем нахождения некоего «третьего пути». Под «третьим путем» подразумевался переход к синтезу наиболее ценных моментов, присущих различным школам и направлениям в методологии истории. Наиболее отчетливые контуры данная тенденция обрела в методологических поисках школы «Анналов», деятельности отечественных исследователей, объединившихся вокруг А. Я. Гуревича и журнала «Одиссей», а также в ряде современных методолого-исторических направлениях, разделяющих постмодернистскую парадигму.

Сегодня область знания, которая обозначается термином «методология истории», представляет довольно пеструю картину самых разнообразных версий как содержания, так и структуры методологии исторического исследования.

В настоящей статье мы рассмотрим проблему модусного существования методологии истории, которая, на наш взгляд, недостаточно разработана в научной литературе.

Необходимость «модусного» рассмотрения методологии истории связана в первую очередь с отсутствием в научной литературе четких критериев разграничения (демаркации) между различного рода методологическими идеями, воззрениями, концептуальными представлениями о методологии истории, ее системным видением и «живой» методологией, органически вплетенной как в саму процедуру, так и в продукт исторического исследования.

В основу модусного расчленения методологии истории мы кладем принцип тройственности бытия, или существования, методологии истории. В соответствии с данным принципом мы выделяем три модуса:

1) *методологическая рефлексия* – знание и учение о принципах, методах, процедурах исторического исследования;

2) *методологическая практика* – осознанное или неосознанное применение методологических подходов и процедур непосредственно в самом ходе исторического исследования;

3) *методологический обмен* – усвоение методологического опыта (духовного и практического), традиций, предубеждений (в герменевтическом понимании) мира профессиональных сообществ, обогащение, приращение методологического багажа, «волновые» методологические колебания и конъюнктуры, обмен мнениями (методологические дискуссии).

Все три модуса – «рефлексия», «практика» и «обмен», – конечно же, взаимосвязаны и взаимообусловлены друг другом, но все же, будучи расчлененными, позволяют более широко, чем это принято в современной литературе, подойти к пониманию предметной области методологии истории. Их дифференциация имеет смысл еще и потому, что позволяет выделить различные жанры методологических исследований, их специфику.

Жанр методологической рефлексии традиционно оказывался полем конкуренции между «чистыми» историками и философами. Многие историки считали и продолжают считать, что методологические суждения об их профессиональ-

ном мастерстве имеют право делать только члены их «цехового братства», ибо только профессионально практикующий историк, обладающий определенным исследовательским опытом и навыками, проверивший на «собственной шкуре» силу и слабость, продуктивность и непродуктивность тех или иных методологических приемов, в состоянии дать адекватную оценку и глубокий анализ методологическому инструментарию ремесла. Такие историки очень болезненно реагируют на методологические творения, касающиеся исторического творчества, авторами которых являются представители других профессиональных «цехов» – философы, литературоведы, математики и т. д.

В качестве примера такого «цехового» подхода к монопольному праву историков заниматься методологией истории можно привести недавнюю полемику Артура Марвика – известного английского историка, соредактора журнала «*Journal of Contemporary History*» с американским исследователем Хейденом Уайтом, автором знаменитой книги «*Метаистория: историческое воображение в Европе в XIX веке*». В своей полемической статье «*Два подхода к изучению истории: метафизический (включая «постмодернизм») и исторический*» А. Марвик под первым – метафизическим – подходом как раз и подразумевает рефлексивную практику в отношении методологии истории, характерную для непрофессиональных историков, к каковым он относит и Х. Уайта¹⁹.

Согласно Марвику только «чистые» историки в состоянии разработать адекватную реальному историческому исследованию структуру методологии истории, включающую различные методы, принципы, темы и проблемы²⁰.

Свое негативное отношение к пришедшим в методологию истории «со стороны» Марвик строит на подозрении их не только в непрофессионализме, но также в преследовании венаучных целей. Так, по его мнению, постмодернистская парадигма и все предлагаемые ею методы исто-

---

¹⁹ См.: Marwick A. Two Approaches to Historical Study // *Journal of Contemporary History*. Vol. 30. P. 5–35.

²⁰ *Ibid.* P. 26.

рического творчества нацелены на политико-практические нужды «левых» политических радикалов²¹.

Давний спор о том, имеют ли право философы и другие «неисторики» заниматься проблемами методологии истории, большинством видных историков-методологов решается не в пользу «пришельцев». Однако при этом всегда имеется в виду, что отнюдь не каждый историк может стать профессиональным методологом истории, обладать искусством методологической рефлексии.

Вопрос о правомочности или неправомочности философов заниматься методолого-исторической рефлексией, по существу, есть вопрос о мере обусловленности модуса рефлексии историографической и философской практикой, т. е. практическим модусом. Иначе говоря, требуется выяснить, что является главным источником саморефлексии исторического ремесла – прaxis самого ремесла или философский прaxis?

Данный вопрос неоднократно обсуждался и в отечественной литературе. В одной из методологических дискуссий, проходившей в 70-е годы, были высказаны следующие три точки зрения:

1) методология истории – часть исторической науки, и поэтому ее основное содержание определяется историографической практикой;

2) методология истории – часть философии, и ее целесообразно выделять в особую дисциплину (имелось в виду, что занятие методологией истории – дело философов);

3) методология истории тесно связана и с исторической наукой, и с философией, но существует при этом в качестве специальной, относительно самостоятельной дисциплины²².

Тогда большинство участников дискуссии высказалось в пользу третьей позиции. Одним из аргументов, обосновывающих справедливость именно такого понимания природы методологической рефлексии исторической науки,

---

²¹ Ibid.

²² См.: Прядин В. С. Историческая наука в условиях обновления: Философские основы, принципы познания, методы исследования (историографический анализ). С. 17.

было утверждение о междисциплинарном характере методологии истории, что требует синтеза знаний из самых различных областей.

Видимо, вполне можно согласиться с последним подходом, предполагающим определенный универсализм тех исследователей, которые занимаются проблемами методологической истории на уровне рефлексии. Современный методолог истории открыт для «впитывания» и «синтеза» самых разнообразных методов познания, разрабатываемых различными дисциплинами. Однако очевидным остается и другое, а именно: методолог истории не может состояться как профессионал своего дела, если он не проникся главным – духом исторического мышления.

Следующий модус существования методологии истории, без которого, как выяснилось, нет и полноценного модуса рефлексии, – модус практики. Его главная отличительная черта – имманентность практическому историческому исследованию. Данный модус содержательно включает формулирование темы и целей исследования, постановку проблем, разработку гипотез и исследовательского проекта, апробацию аналитических методов и процедур, применение конкретных исследовательских технологий, презентацию и обоснование собственных идей, поиск адекватных форм их выражения.

В целом стадийное разворачивание данного модуса можно представить следующей весьма условной схемой.

1. Стадия самоопределения.

- 1.1. Анализ исследовательской ситуации.
- 1.2. Определение темы исследования.

2. Стадия проектирования.

- 2.1. Определение цели исследования.
- 2.2. Разработка первоначальной гипотезы.
- 2.3. Выявление основных проблем.
- 2.4. Разработка исследовательского проекта.

3. Стадия эмпирического анализа.

- 3.1. Отбор источников.
- 3.2. Анализ источников (критика, верификация).

3.3. Интерпретация источников.

4. Стадия теоретико-концептуального анализа.

4.1. Построение концептуальной модели.

4.2. Корректировка первоначальной гипотезы.

4.3. Акцентация новизны исследования.

5. Стадия репрезентации.

5.1. Определение жанра исследования.

5.2. Поиск авторского стиля.

5.3. Разработка структурной логики изложения.

5.4. Предъявление (защита) и продвижение (публикация, пропаганда).

Следует отметить, что как первая стадия модуса практики (п. 1.1), так и последняя его стадия (п. 5.4) непосредственно пересекаются с третьим модусом существования методологии истории – модусом обмена. Действительно, прежде чем самоопределиться с темой исследования, историк анализирует уже сложившуюся исследовательскую ситуацию, тем самым включаясь в диалог с другими авторами, ведущими теоретико-методологический поиск в интересующей его области истории. По завершении своего исследования историк, если он уверен, что его труд представляет научную и духовную ценность, стремится предъявить его на суд научной общественности и публики с тем, чтобы он стал публичным достоянием и вписался в общий процесс духовно-научного обмена ценностями. Историк – не Робинзон, которому «на новенького» приходится осваивать всю премудрость методологии исторического исследования, и не анахорет, которого не волнуют «мирские» дела, т. е. споры и дискуссии о методологических и теоретических путях исторического познания, о судьбах конкретных исследований. Модус обмена – это такое существование методологического ума, без которого невозможно совершенствование ни методологической рефлексии, ни практики исторического исследования. Только в постоянном диалоге (очном или заочном, иногда между дискуссантами – расстояние в века) исследователей как современников, так и представителей разных поколений, которым не безразлично, «как слово наше отзовется», осуществляется живой культурный обмен, насыщение исторического ремесла новым методологическим опытом.

Основными формами выражения модуса обмена выступают следующие.

1. Историографические исследования, в которых «допрашиваются» литературные источники, выражающие методологические и конкретные позиции их авторов и отражающие те или иные методологические тенденции и парадигмы научного мышления.

2. Отклики и рецензии на конкретные исторические исследования, содержащие их методологический анализ.

3. Научные конференции, семинары, «круглые столы», посвященные методологической проблематике исторических исследований.

4. Духовный контакт в форме понимания, «схватывания» определенных методологических интенций другого автора, который, возможно, сам так и не осознал произведенных им прорывов в новую область исторического анализа. Так, к примеру, русский мыслитель Г. П. Федотов при анализе работы знаменитого историка В. О. Ключевского подметил интересную методологическую интенцию в творчестве Ключевского, которая никак не укладывалась в принятую и провозглашенную самим мэтром методологическую схему исторической социологии. В своем эссе «Россия Ключевского», написанном в связи с 30-летием кончины Ключевского, Федотов отметил, что на него наибольшее методологическое впечатление произвели не разъясняемые Ключевским приемы препарирования русской истории, которые он кладет в основу своей работы, а запоминающиеся, яркие, стереоскопические картины жизни сословий, социальных групп, исторических деятелей, в которых просматривается блестящий методологический дар Ключевского как исторического культуролога. В итоге избранный им метод исторической социологии, по мнению Федотова, вступает в противоречие с наличествующей, но не отрефлектированной со стороны автора методологией культурно-исторического исследования²³.

---

²³ См.: Федотов Г. П. Судьба и грехи России // Избр. статьи по философии русской истории и культуры: В 2 т. Т. 1. Спб., 1991. С. 342–343.

В целом модус обмена охватывает процесс обмена не только «методологического вещества», касающегося сугубо исторической дисциплины, но также парадигмальных основ и методов гуманитарных и естественных наук. Методология истории, особенно сегодня, когда междисциплинарность становится «общим местом», обретает новые содержательные черты прежде всего благодаря тесным «питательным» контактам с другими науками и областями знания.